

РАЗГОВОР С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

На сцене — товарищ смех

Имя народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда Аркадия Райкина знает и стар, и млад. А теперь любителям театрального искусства известна целая артистическая династия Райкиных: на сцену и в кино пришли дочь и сын знаменитого мастера сатиры. Сегодня наш гость — актер Константин Райкин, который находится на гастролях в Краснодаре с моноспектаклем «Давай, артист!».

ский масштаб отца, что есть опасность превратиться в его бледную тень. Значит, необходимо искать свои пути и средства самовыражения...

Мы с отцом работаем в одном театре, в близких жанрах, более того — у нас с ним одна задача: разобратся в причинах, порождающих зло, уничтожить его смехом. Но делаем мы это по-разному. Отец, я бы сказал, тяготеет к темам «социально-экономическим», меня же интересуют не столько отношения «человек — экономика», сколько человек как психологический феномен, с его взлетами и падениями, высокими устремлениями и мелкими поступками...

Круг проблем, формы спектаклей, где лидером в какой-то степени являюсь я, отличаются от тех, в которых работает отец. И, конечно же, я отличаюсь от него мерой отпущенного таланта.

...Когда Константин говорит об Аркадии Исааковиче, лицо его как-то разом светлеет и в то же время становится строже. Слова он подбирает медленнее, обдумывая. Будто под грузом большой ответственности проверяет и перепроверяет себя. Сразу вспоминается фраза из спектакля «Давай, артист!».

— Я понимаю, — говорил Константин, — имя не мной завоевано, слава не моя, но они меня обязывают.

Действительно, обязывают. Каждый день, каждый спектакль играть так, словно это последняя роль в жизни, последний выход на сцену. Таково актерское кредо Райкинского.

— Мы с отцом играем в нескольких спектаклях. У него такой самобытный уровень мастерства, что невозможно что-либо перенять конкретно. Просто не уловить, не понять, как он это делает. Единственное, чему у него можно и нужно учиться — отношению к делу. Художник он истовый, но творит необъяснимо, почти подсознательно, как человек дышит. В отличие от него, я всегда знаю и умею рассказать, что у меня получается или не получается. Чувствуете разницу?..

...Звонит первый звонок. Сейчас Константин уйдет переодеваться к спектаклю. Спрашиваю напоследок:

— Что бы вы могли пожелать нашим читателям?

Уже от двери он отвечает с улыбкой:

— Кто-то из великих сказал: «Счастье — не станция назначения, а способ путешествия». Именно этого и желаю.

Фойе быстро пустеет. Из зала доносятся звуки рояля. Спектакль начался. Два часа доброго настроения, веселых улыбок и смеха самых разных оттенков ждут зрителей.

Беседу вела
Г. КРАВЧЕНКО.

Мы встретились с Константином Райкиным в перерыве между двумя вечерними спектаклями. Несколько минут назад на сцене он выделывал «па» какого-то немыслимого танца, поражая пластикой, отточенностью жеста, импровизировал, моментально переоблачаясь в героев своих миниатюр, а когда зал буквально взрывался от хохота, внезапно обрывал показ «типажей» на самой высокой ноте смеха, чтобы вдруг сказать о вещах вполне серьезных. И вновь показывал, плясал, говорил... Два часа представления прошли на едином дыхании, при таком контакте со зрительным залом, когда аудитория откликается на каждое душевное движение актера, сопереживает, смеется, аплодирует, не жалея ладоней.

И вот сейчас, в минуты отдыха, пожалуй, с особой отчетливостью стало видно, сколь много сил отнял у актера спектакль. Константин извинительно улыбается, промокает лицо полотенцем. Со всем мальчишеской внешностью — короткая стрижка, большие печальные, такие знакомые «райкинские» глаза и такая же всепобеждающая улыбка...

Немного более двух лет прошло с тех пор, как Театр миниатюр под руководством народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда А. И. Райкина, переехав из Ленинграда в Москву, принял в свою труппу молодых актеров вместе с сыном Аркадием Исааковичем — Константином, пришедшем сюда из «Современника». За это сравнительно короткое время репертуар театра пополнился спектаклями, в которых заняты оба Райкина — отец и сын. Новые работы, новые роли...

Беседуем.

— Десять лет в «Современнике» — срок немалый. Чем стал для вас этот театр?

— Практически все! Ему я обязан гражданской, творческой позицией, мировоззренческими установками, попросту — профессионализмом. Ведь не вуз, а театр делает актера актером, каждодневная работа, общение с единомышленниками. У меня остались прекрасные друзья, которым я многим обязан, — Г. Волчен, О. Табаков, В. Фокин, М. Неслова. Там были сыграны мои лучшие драматические роли... Словом, таким, каков я есть сегодня как актер и человек, я стал благодаря «Современнику».

Правда, это совсем не означает, что мне, допустим, хочется того же, чего хочется труппе театра. Тут подход

к поиску различен. Но «Современник» — это мой родной дом, и я его очень люблю.

— Театр миниатюр. В чем его специфика? Справедливо ли утверждение, что его художественная ткань тяготеет к эстраде?

— Я бы избегал такой категоричности. Просто демократизм эстрады предполагает и демократизацию театральных форм. Наш театр пытается соединить общедоступность зрелищности с психологичностью драмы. Соединить, сблизить, насколько это возможно, конечно. Ведь с подмостков сцены говорят не только о проблемах вечного свойства, но и тех пороках, которые должны быть искоренены сегодня. Особая форма контакта со зрительным залом, публицистическая заостренность образов требуют от нас расширения границ чисто актерского умения. Театр миниатюр по своей природе синтетичен, отсюда — поиск в самых разнообразных жанрах, вплоть до пантомимы, варьете, тренировка актерской наблюдательности, стремление запечатлеть «типажи», имеющий точный социальный адрес, в этюде, миниатюре... К слову, многие из таких вот миниатюр составляют основу спектакля «Давай, артист!».

— Спектакль «Лица», где вы выступаете не только в главной роли, но и как хореограф, соавтор пьесы и сорежиссер, отражает направление этих поисков?

— Бесспорно. И хотя сегодня отчетливо просматриваются все недостатки, изъяны спектакля, я люблю его, как родители любят свое дитя. Идея спектакля проста. Самое ценное в жизни — это моменты истинного общения. Не деньги, не вещи, а сила внутренней тяги друг к другу объединяет людей.

Место действия — дискотека. Она как тревожный символ рождающегося отчуждения, когда каждый занят сам собой. Словом, спектакль касается многих болевых точек нравственных проблем нашего сегодня, он ставит диагноз болезни и пытается лечить ее смехом.

— Константин Арнадьевич, вы пробуете себя в жанре, близком тому, в котором работает Аркадий Исаакович. А между тем несколько лет назад вы сказали, что во всем стараетесь понять не то, чем вы похожи на отца, а, наоборот, чем вы от него отличаетесь...

— Да-да, сейчас поясню, что имел в виду... Я говорил, что если очень сильно будет проявляться мое с ним сходство, то от меня самого ничего не останется. Настолько велик человеческий и актер-